

КРОВАВЫЕ ДЕВЬИ

ФЕРГЮС
ХЬЮМ

Старая добрая...

Фергюс Хьюм

Кровавые деньги

«Азбука»

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ХЬЮМ Ф.

Кровавые деньги / Ф. Хьюм — «Азбука», — (Старая добрая...)

ISBN 978-5-389-33201-0

«Кровавые деньги»: в центре сюжета – запутанная история любви, ревности и убийства в аристократическом поместье. Ноэль Ламберт влюблен в Агнес, жену сэра Хьюберта Пайна, что порождает сложный любовный треугольник. Когда происходит загадочное убийство, подозрение падает на цыган из стоящего неподалеку табора. Однако хитрая мисс Клара Гриби, вооруженная знанием чужих секретов, закручивает собственную интригу, пытаясь использовать ситуацию в своих интересах. Где же скрывается ключ к разгадке преступления – в цыганском таборе или среди порочных представителей высшего общества? «Голубой талисман»: известный миссионер и исследователь Африки Уэлдон привозит в Лондон древний камень, обладающий мистической силой – согласно туземным верованиям, хотя сам считает их суеверием. Вскоре Уэлдона находят убитым в запертой комнате, талисман похищен, а подозрение падает почти на всех обитателей пансиона. Неужели он стал жертвой проклятия камня?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33201-0

© Хьюм Ф.
© Азбука

Содержание

Кровавые деньги	7
Глава I	7
Глава II	14
Глава III	21
Глава IV	28
Глава V	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Фергюс Хьюм Кровавые деньги

Fergus Hume
THE BLUE TALISMAN. RED MONEY

© М. А. Загот, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

* * *

СТАРАЯ Англия
ДОБРАЯ...

ФЕРГЮС ХЬЮМ

КРОВАВЫЕ
ДЕНЬГИ

Издательство «Иностранка»
Москва

Кровавые деньги

Глава I

Драма по мелочам

– Цыгане! Как это восхитительно! Пусть предскажут мне судьбу! Эти милые создания все знают о будущем.

Говоря это, миссис Белгроув смотрела в лорнет: кто-то из сидящих за завтраком отвечает ей улыбкой? Надо было всех внимательно оглядеть, потому что среди собравшихся самой старшей была она, а какое у нее будущее? Разве что ждать собственных похорон. Но шестидесятилетняя светская дама, подкрашенная, чтобы выглядеть на сорок – на большее ее горничная была не способна, – с отличным пищеварением и постоянной жаждой чего-нибудь новенького, на манер древних афинян, вряд ли будет холить и лелеять такую неприятную тему, как смерть. Тем не менее миссис Белгроув не могла скрыть от себя, что ее кончина не за горами, и изучала лица других гостей – неужели и они думают так же? Если таковые и были, они вежливо подавили свои сомнения и одобрили ее предложение отправиться за предсказаниями.

– Давайте соберем компанию и пойдем, – предложила хозяйка, довольная, что нашла чем развлечь гостей на несколько часов. – Где, ты сказал, Гарвингтон, расположились цыгане?

– В Аббатском лесу, – ответил ее муж, толстый, маленький, круглолицый мужчина, методично поглощавший обильный завтрак.

– Всего три мили отсюда. Можно подъехать или прокатиться верхом.

– На авто, на велосипеде или на своих двоих, – весьма вульгарно вставила мисс Гриби. К подобным речам с ее стороны привыкли и воспринимали ее выпады как чудачество – у нее были деньги и мозги, чрезвычайно длинный язык и хорошая память на недостатки других людей.

Лорд Гарвингтон ничего не ответил – по его мнению, завтрак был весьма серьезным занятием, прерывать которое не следует. Он потянулся за джемом и попросил передать ему вазочку с девонширскими сливками. Его жена, худощавая и с виду чрезвычайно озабоченная даже для хозяйки благородных кровей, сердито посмотрела на него. Он никогда не помогал ей развлекать многочисленных гостей, но всегда требовал приглашать их на охотничий сезон, в то время как они, будучи бедными для титулованной пары, не могли позволить себе развлечь даже чистильщика обуви, не говоря уже о толпе голодных атлетов и орде легкомысленных женщин, которых полагалось принимать с размахом. Весьма некрасиво со стороны Гарвингтона.

В эту секунду размышления хозяйки прервала мисс Гриби, которой всегда было что сказать и которая всегда старалась, как заметил бы американец, «управлять цирком».

– Полагаю, вы, мужчины, как обычно, отправитесь на охоту? – спросила она своим резким, ясным голосом.

Мужчины дружно заявили, что таково было их намерение, что они именно для этого приехали в поместье и бесполезно просить их, всех вместе или поодиночке, отправиться за предсказаниями судьбы. Зачем? Нечто подобное вполне можно найти на Бонд-стрит в Лондоне.

– Вообще все это – чепуха, – заявил спортивного вида молодой человек, явно не обремененный мозгами, зато не обделенный мускулами и деньгами. – Предсказать мне судьбу не может никто.

– Я могу, Билли. Вы будете премьер-министром, – выпалила мисс Гриби, вызвав всеобщий смех.

Тут Гарвингтон подбросил бомбу.

– Если хотите гадать, не теряйте времени, – проворчал он, вытирая усы. – Завтра я прикажу немедленно выгнать этих негодяев с моей земли. Все они воры и мошенники.

– Как и многие другие, – отрезала мисс Гриби, которая накануне вечером крупно проигралась в бридж, и ей было от чего переживать.

Хозяин не обратил на нее внимания.

– В последнее время в наших краях было много краж со взломом. Тут без цыган не обошлось.

– Кражи со взломом! – воскликнула миссис Белгроув и побледнела под румянами, вспомнив, что привезла свои бриллианты.

– Ничего страшного, не волнуйтесь, – сказал Гарвингтон, отодвигая стул. – Пока я здесь, никаких цыганских игрищ в этом доме не будет. Если кто из них сунет сюда нос – пристрелю, как собаку.

– Это разрешено законом? – пожав плечами, спросил армейский офицер.

– Не знаю и знать не хочу, – парировал Гарвингтон. – Как известно, дом англичанина – это его крепость, и он вполне может пристрелить любого, кто попытается туда проникнуть. К тому же прикончить грабителя – милое дело. Прекрасная забава.

– Наверное, сначала надо выяснить его намерения, – язвительно заметила леди Гарвингтон.

– Мне это ни к чему. Любого, кто забирается в твой дом с наступлением темноты, спрашивать о его намерениях незачем. Пусть получает пулю.

– Как насчет Ромео? – спросил молодой человек поэтического вида. – Он проник в дом Джульетты, но грабить никого не собирался.

– Он пришел как гость, – произнес тихий серебристый голос с другого конца стола, и все повернулись – это заговорила леди Агнес Пайн.

Она была сестрой Гарвингтона и женой сэра Хьюберта Пайна, миллионера, который в этот раз на домашнем приеме отсутствовал. Как правило, она говорила мало, ее бледному красивому лицу всегда было свойственно грустное выражение. Агнес Пайн отличалась особенной красотой – есть такие высокие, стройные и элегантные женщины, которые всегда хороши и очаровательны. Пожалуй, несомненное обаяние сыграло в ее репутации красивой женщины куда большую роль, чем собственно физическая грация. С ее темными волосами и темными глазами, греческими чертами лица и кожей цвета слоновой кости, чуть тронутой розоватым оттенком чайной розы, она выглядела очень милой и очень печальной. Отчего бы ей печалиться, оставалось загадкой для многих женщин, ведь, будучи женой сказочно богатого человека, она обладала всеми радостями, какие только могут дать деньги. Все же из достоверных источников – которые, однако, никто не мог назвать – было известно: Гарвингтон, будучи бедным, вынудил ее выйти замуж за сэра Хьюберта, который был ей совершенно безразличен. Говорили, что сердце Агнес принадлежало ее кузену Ноэлю Ламберту, но она принесла себя в жертву, или, скорее, ее к этому принудил Гарвингтон, чтобы встать на ноги. Однако рассказать, как оно было на самом деле, – такого удовольствия леди Агнес не доставляла никому. Она вращалась в обществе, подобно тихому привидению, блестяще справляясь со своими обязанностями, но, видимо, оставаясь равнодушной ко всем и вся. «С виду картинка, – говорили молодые люди, – но от нее веет могилой. Живости никакой». Но молодые люди не владели ключом к сердцу леди Агнес Пайн, как, видимо, и ее муж.

Ее голос прозвучал очень тихо и мелодично, и все сразу почувствовали его очарование. Гарвингтон ответил на ее вопрос, выходя из комнаты.

– Хоть Ромео, хоть гость, – резко возразил он. – Я пристрелю любого негодяя, который попытается проникнуть в мой дом. Собирайтесь, друзья. Через полчаса выезжаем.

Мужчины вышли из комнаты, а мисс Гриби подошла к хозяйке и села рядом.

– Что означают последние слова Гарвингтона? – спросила она, многозначительно взглянув на леди Агнес.

– Дорогая, когда слова Гарвингтона что-нибудь значили? – раздраженно спросила хозяйка. – Эгоист до мозга костей, все дела сваливает на меня.

– Ну, – протянула мисс Гриби, и на ее мужеподобном лице появилась задумчивость, – он смотрел на Агнес, когда это говорил.

– Что вы имеете в виду? – резко спросила леди Гарвингтон.

Мисс Гриби многозначительно усмехнулась.

– Я заметила, что Ламберта нет в доме, – сказала она как бы между делом. – Но я слышала, что он где-то поблизости. Вряд ли Гарвингтон станет убивать его.

– Клара. – Хозяйка выпрямилась, на ее желтоватых щеках заиграл румянец. – Вы меня удивляете. Ноэль остановился в хижине Аббатского леса и занимается там творчеством. Но он может приехать и остаться здесь, если захочет. Или вы хотите сказать, что он заберется в дом через окно с наступлением темноты, как грабитель?

– Именно это я хочу сказать, – дерзко возразила мисс Гриби. – И в таком случае Гарвингтон его пристрелит. Он так и сказал.

– Ничего подобного он не говорил! – вскричала леди Гарвингтон, сердито вскакивая.

– Тем не менее он не шутил. Я видела, как он смотрел на Агнес. Мы знаем, что сэр Хьюберт ревнивее Отелло. Гарвингтон, судя по всему, настороже, и...

– Можно придержать язык? – яростно прошептала хозяйка поместья. Она бы встряхнула мисс Гриби, но заняла у гостьи деньги, и ссора с ней была ни к чему. – Вас услышит Агнес, видите, она смотрит сюда?

– Будто меня это волнует, – рассмеялась мисс Гриби, презрительно выпятив пухлую нижнюю губу. Однако по причинам, известным ей одной, смолчала, хотя уж никак не из-за намека хозяйки.

Увидев, что гости оживленно болтают друг с другом, а мужчины готовятся к охоте, леди Гарвингтон пошла обсудить предстоящий ужин в комнату экономки. Но пока они с экономкой спорили о том, какие блюда предпочитает лорд Гарвингтон, хозяйка с беспокойством размышляла о словах мисс Гриби. Покончив с меню – задача не из легких, когда дело касается хозяина дома, – она разыскала миссис Белгроув. Молодая старушка грелась на солнышке на террасе в надежде восстановить свои угасающие жизненные силы и, оставшись одна, позволила себе выглянуть на свой возраст. Когда ее потревожили, она по-кошачьи замурлыкала и заметила, что воздух Хенгишира подобен шампанскому.

– Моя буйная душа так и рвется наружу, – сказала эта претендентка на звание богини юности, отчаянно пытаясь выглядеть молодо.

– Ах, у вас нет дома, который нужно содержать, – вздохнула леди Гарвингтон с усталым видом и опустила в плетеное кресло, дабы излить свои горести миссис Белгроув. Последнюю отличала крайняя деликатность – годы борьбы за место под солнцем в обществе научили ее ценить молчание. Как следствие, многие стали доверять ей свои тайны, и она была известна тем, что давала советы, к которым никто никогда не прислушивался.

– В чем дело, дорогая? Вы выглядите на все сто, – сказала миссис Белгроув, со смешком поднимая лорнет, будто сделала оригинальное замечание. Но оно не соответствовало истине, потому что леди Гарвингтон всегда выглядела изможденной, уставшей, неопрятной, с болезненным цветом лица. Она была из тех рассеянных особ, которые скрепляют одежду булавками и выходят в гостиную со скособоченной диадемой на голове.

– Клара Гриби – кошка, – сказала бедная, встревоженная леди Гарвингтон, теребя карман в поисках носового платка, которого чаще всего там не было.

– Она занималась любовью с Гарвингтоном?

– Фу! Чтобы привлечь внимание Гарвингтона, женщине надо уметь готовить или уметь обращаться с кухонной плитой. С тем же успехом я могла бы выйти замуж за супницу. Не знаю, зачем вообще вышла за него, – сокрушалась леди, глядя на желтеющую листву деревьев в парке. – Он нищий, к тому же свинья, моя дорогая, хотя я не стану говорить это каждому. Моя мама настояла на том, чтобы я посещала кулинарные курсы, – лучше бы их не было.

– При чем тут курсы?

– При чем? – рассеянно переспросила леди Гарвингтон. – Я вообще не понимаю, о чем вы. Но мама знала, что Гарвингтон любит вкусно поужинать, и заставляла меня посещать эти занятия, чтобы я научилась говорить о французских блюдах. Наш флирт сводился к обсуждению супов, кремов и оленьих окорочков, пока он не решил, что я столь же прожорлива. Короче, он женился на мне, и с тех пор я готовлю ему еду. Даже в медовый месяц мы ездили на Мон-Сен-Мишель, что на севере Франции. Там готовят великолепные омлеты, и Гарвингтон уплетал их с большим чувством. О боже!

Бедная леди вздрогнула.

Миссис Белгроув поняла: собеседница увिलивает от темы и никогда не перейдет к делу, если ее не принудить, поэтому она постучала лорнетом по костяшкам пальцев хозяйки.

– Так что насчет Клары Гриби? – резко спросила она.

– Она кошка!

– О, все мы кошки, мяукаем или фыркаем, в зависимости от каприза, – спокойно ответила миссис Белгроув. – Я не понимаю, почему назвать женщину кошкой – это уничижительно. Очаровательно красивые животные и знают, чего хотят, а также как этого добиться. Так что же, моя дорогая?

– Думаю, она влюблена в Ноэля, – поделилась леди Гарвингтон.

– Кто влюблена? Ближе к делу, дорогая Джейн.

– Клара Гриби.

Миссис Белгроув рассмеялась.

– О-о, это древняя история. Все, кто хоть что-то собой представлял, знали: Клара готова отдать свои глаза – кстати, весьма некрасивые, – лишь бы выйти замуж за Ноэля Ламберта. Вы же его имеете в виду? Ноэль – имя редкое. Да-да. Вы имеете в виду его. Клара хотела его купить. У него совсем нет денег, а она, наследница банкира, богата, как Ротшильд. Но жениться на ней Ноэль не захотел.

– Почему? – спросила леди Гарвингтон, очнувшись от размышлений о новом супе, которым надеялась угодить мужу. – У Клары около шести тысяч дохода в год, и она выглядит неплохо, когда служанка оденет ее должным образом. Кстати о служанках, моя хочет уйти, и...

– Она – мужеподобная Боудикка, – перебила миссис Белгроув, возвращая собеседницу к разговору о мисс Гриби. – Мужеподобная девка. Ноэль слишком артистичен, чтобы жениться на такой каланче. В ней шесть футов и два дюйма, а ее руки и ноги... – миссис Белгроув вздрогнула, удовлетворенно взглянув на свои тонкие пальцы.

– Вы слышали, какую чушь нес Гарвингтон? Дескать, он застрелит грабителя, – рассеянно сказала леди про супруга. – Неслыханная чушь – кому придет в голову лезть в дом, где нет ничего, кроме замшелой мебели.

– Ну? Так что же? – нетерпеливо спросила миссис Белгроув.

– Клара Гриби решила, что Гарвингтон собирается застрелить Ноэля.

– Зачем, ради всего святого? Потому что Ноэль – его наследник?

– Что я могу поделать, у меня-то детей нет, – сказала леди Гарвингтон, меняя ход мыслей после слов миссис Белгроув. – Я была бы счастливее, будь у меня что-то еще, кроме обедов. Жаль, что мы не питаемся кореньями, Гарвингтон мог бы сам их выкапывать.

– Дорогая, он бы на эти раскопки послал с лопаткой вас, – с юмором заметила миссис Белгроув. – Но почему Гарвингтон хочет застрелить Ноэля?

– Да не хочет он. Я этого не говорила. Это сказала Клара Гриби. Видите ли, Ноэль любил Агнес до того, как она вышла замуж за Хьюберта, и, думаю, любит ее до сих пор, хоть это и не годится, ведь она замужем и заметно подурнела. А Ноэль остановился в хижине в Аббатском лесу и рисует акварели. Скорее всего, акварели, а может, пишет маслом, и...

– Ну хорошо. Дальше? Ну? – снова перебила миссис Белгроув.

– Это совсем не хорошо, ведь какой острый язычок у Клары Гриби, – отрезала леди Гарвингтон. – Она сказала, что, если Ноэль придет к Агнес ночью, Гарвингтон примет его за грабителя и застрелит. Мол, он смотрел на Агнес, когда говорил о грабителях, и имел в виду именно это.

– Что за чушь! – с жаром воскликнула миссис Белгроув, наконец-то догадавшись, зачем к ней пришла леди Гарвингтон. – Ноэль может приходиться сюда открыто, зачем ему прокрадываться с наступлением темноты.

– Ну, вы же знаете, дорогая, он романтик. А романтики всегда дверям предпочитают окна, а свету – тьму. Окна здесь такие ненадежные, – добавила леди Гарвингтон, взглянув на фасад над своими растрепанными волосами. – Он может легко попасть в дом, просунув перочинный нож между верхней и нижней створками окна. Ничего сложного.

– Что за чушь вы несете, Джейн, – нетерпеливо сказала миссис Белгроув. – Ноэль не тот человек, который станет преследовать замужнюю женщину, когда ее муж в отъезде. Я помню его со времен учебы в школе Харроу и знаю, о чем говорю. Где сэр Хьюберт?

– В Париже, или в Пекине, или еще где-то на букву «П», – ответила леди Гарвингтон в своей обычной уклончивой манере. – Не понимаю, почему он не взял с собой Агнес. Для супружеской пары они очень хорошо ладят.

– Все-таки она его не любит.

– А он ее любит и настолько ревнив, что места себе не находит, когда ее нет рядом.

– А по-моему, находит, – сухо заметила миссис Белгроув. – Если он в Париже или Пекине, а она здесь.

– За ней присматривает Гарвингтон, он очень многим обязан сэру Хьюберту и потому следит, чтобы с Агнес все было в порядке.

Миссис Белгроув пристально посмотрела на леди Гарвингтон через свой лорнет.

– Я уже сказала, Джейн, по-моему, вы несете полную чушь, – заметила она. – Я ни на секунду не допускаю, что Агнес думает о Ноэле, а Ноэль – об Агнес.

– Клара Гриби говорит...

– О, я знаю, что она говорит и чего хочет. Она хочет столкнуть Ноэля с сэром Хьюбертом из-за Агнес просто потому, что к ней самой Ноэль равнодушен. А насчет ее болтовни о грабителях...

– Болтовни Гарвингтона, – поправила ее собеседница.

– Пусть Гарвингтона. Все это вздор. Агнес милая девушка и...

– Девушка? – Леди Гарвингтон презрительно рассмеялась. – Ей двадцать пять.

– Суший младенец. Людей нельзя назвать старыми, пока им не стукнет семьдесят или восемьдесят. Стареть – дурная привычка. Сама я никогда ее не поощряла. Кстати, расскажите мне что-нибудь о сэре Хьюберте Пайне. Я встречалась с ним всего раз или два. Что он за человек?

– Высокий, худой, темноволосый и...

– Я знаю, как он выглядит. Что у него за характер?

– Ревнивец и может быть крайне неприятным. Я не знаю, кто он и откуда взялся. Свои деньги он заработал на дешевых игрушках и южноафриканских инвестициях. Несколько лет состоял в парламенте и так много помогал своей партии деньгами, что был посвящен в рыцари. Это все, что я о нем знаю, могу только добавить, что он очень подлый.

– Подлый? Из ваших слов этого не следует.

– Я имею в виду, как он ведет себя с Гарвингтоном, – объяснила хозяйка, поглаживая взъерошенные волосы. – Он ограничивает нас в средствах.

– Почему он вообще должен давать вам деньги? – спросила в лоб миссис Белгроув.

– Видите ли, дорогая, Гарвингтон никогда бы не позволил своей сестре выйти замуж за ничтожество, если бы...

– Если бы это ничтожество не оплачивало его содержание. Я вполне понимаю. Всем известно, что Агнес вышла замуж за этого человека, чтобы спасти семью от банкротства. Бедная девочка! – миссис Белгроув вздохнула. – И она любила Ноэля. Какая жалость, что она не смогла стать его женой!

– О-о, это было бы нелепо, – раздраженно сказала леди Гарвингтон. – Что толку, если Голод женится на Жажде? У Ноэля, как и у нас, нет денег, и, если бы не Хьюберт, это поместье давно пришлось бы продать. Имейте в виду, это строго между нами.

– Моя дорогая, вы не рассказываете мне ничего, чего не знают все остальные.

– Тогда каков ваш совет?

– О чем, моя дорогая?

– О том, что я вам рассказала. О взломщике и...

– Я уже сказала – это вздор. Если сюда явится грабитель, надеюсь, лорд Гарвингтон пристрелит его, потому что я не хочу потерять свои бриллианты.

– А если грабителем окажется Ноэль?

– Не окажется. Клара Гриби просто сделала неприличный намек, вполне ее достойный. Но если вы ее боитесь, предложите ей выйти замуж за Ноэля.

– Он не захочет, – печально произнесла леди Гарвингтон.

– Возможно, и не захочет. Но настойчивая женщина способна творить чудеса, а Кларе Гриби на свою репутацию плевать. И если вы считаете, что Ноэль здесь в опасной близости, уговорите Агнес поехать к мужу в Пекин.

– Кажется, он в Париже.

– Ну в Париж. Купит себе новые платья.

– Агнес не любит новые платья. У нее простые вкусы, она хочет помогать бедным. Это уж совсем ни к чему.

– А что ее муж помогает лорду Гарвингтону – это к чему? – бесхитростно спросила миссис Белгроув.

Леди Гарвингтон нахмурилась.

– Какие ужасные вещи вы говорите.

– Я лишь повторяю то, что говорят все.

– Ну, мне все равно, – безрассудно воскликнула леди Гарвингтон и встала, собираясь заняться неизвестно чем. – Я живу только для того, чтобы на стол вовремя подавались обеды и завтраки. Клара Гриби – кошка, она поднимает весь этот шум из-за...

– Тише! Вот она.

Леди Гарвингтон в волнении обернулась и направилась к мисс Гриби, только что вышедшей на террасу. Дочь банкира, в сшитом на заказ платье, в мужской кепке, мужских перчатках и мужских ботинках – по крайней мере, так посчитала миссис Белгроув, – держала в руках очень мужскую палку, больше похожую на дубинку, чем на трость. Румяное лицо, рыжеватые волосы, пронзительные голубые глаза и великолепная фигура – а фигура у нее действительно была прекрасной, и миссис Белгроув ее явно недооценивала, – она походила на гигантскую скандинавскую богиню. Сверкая белозубой улыбкой, она шла, размахивая палкой, или, как сказала себе миссис Белгроув, ирландской дубинкой-шилейлой, и казалась воплощением крепкого здоровья.

– Принимаете солнечную ванну? – спросила она отрывисто, громким баритоном. – Очень мудро с вашей стороны, старушки. Я иду прогуляться.

Миссис Белгроув, в свою очередь, попыталась связать:

– В Аббатский лес?

– Как вы догадались, – улынулась мисс Гриби и кивнула. – Да, хочу навестить Ламберта. – Она всегда отзывалась о своих друзьях-мужчинах с теплотой. – Ему было бы уютнее здесь, зачем жить отшельником в глуши?

– Он пишет картины, – вставила леди Гарвингтон. – Разве отшельники рисуют?

– Нет. Только светские дамы, – весело сказала мисс Гриби.

Выцветшие глаза миссис Белгроув вспыхнули – она поняла, что замечание адресовано ей, и нанесла ответный удар.

– Собираетесь попросить цыганок погадать вам, дорогая? – дружелюбно спросила она. – Они расскажут вам о вашем замужестве.

– О-о, а если их попросите вы, они предскажут ваши похороны.

– У меня прекрасное здоровье, мисс Гриби.

– Так я и подумала, глядя на ваши красные щеки.

Леди Гарвингтон спешно вмешалась, чтобы предотвратить дальнейший обмен комплиментами.

– Вы вернетесь к ленчу или присоединитесь к мужчинам в лесу?

– Ни то ни другое. Я перекушу у Ламберта. А вы куда собрались?

– Право, не знаю, – рассеянно ответила хозяйка. – Дел-то у нас хватает. Что-нибудь придумается.

И она проплыла по террасе в дом, словно гонимое ветром облако. Мисс Гриби с презрительной усмешкой посмотрела вслед ее вялой фигуре, затем небрежно кивнула миссис Белгроув и, насвистывая, спустилась по ступенькам террасы.

– И правда кошка! – отметила про себя миссис Белгроув, глядя, как широкая спина мисс Гриби исчезает за лавровыми деревьями. – Только до кошачьей красоты ей далеко. Она больше похожа на гренадершу, Анну Клевскую. Прекрасная партия для многоженца Генриха VIII, – добавила она, намекая на любвеобильность короля Англии. – Женился бы на ней, а потом отрубил бы ей голову.

Глава II

В лесу

Мисс Гриби ринулась к месту назначения мужской походкой, так энергично, будто участвовала в марафоне. День был теплый, туманный, и бледное августовское солнце слабо пробивалось сквозь дымку тумана. Все вокруг было размыто, пейзаж выглядел смутным. Живые изгороди теряли свою зелень и распускались мириадами гроздей красноватого шиповника и боярышника, а обычно твердая дорога была мягкой под ногами из-за влажного воздуха. Не было ветра, который разогнал бы туманную серость, но желтые листья и без его помощи опали с безутешных деревьев. Дама шла по дороге сквозь недавно убранные поля, представлявшие собой коричневое и тускло-желтое жнивье, неровное и неприглядное. Умирающий мир лежал в руинах, и природа погрузилась в неизбежный хаос, из которого, когда снежный покров сделает свое дело, она построит новые небеса и новую землю.

Художник мог бы вдохновиться подобными поэтическими фантазиями, он, несомненно, с любовью взирал бы на манящие краски и формы разрушения. Но мисс Гриби не была художницей и гордилась своей молодой и напористой деловитостью. Шлепая большими ботинками по земле, засунув большие руки в карманы мужского пиджака и будто в раздумье наклонив голову, она бодро шагала вперед. Романтика, на какую была способна ее суровая натура, вышла на первый план, но исключительно из-за ее внутренних ощущений, какая-то поддержка и помощь со стороны живописного осеннего пейзажа ей не требовались. Романтические чувства у грубоватой и жизнерадостной Клары Гриби связывались с мужским именем – именем Ноэля Ламберта. Она снова и снова шептала это имя про себя и, вспомнив, что вскоре окажется в обществе его обладателя, слегка порозовела, и на ее суровое лицо даже легла печать красоты.

– Он меня не любит, – сказала она вслух и вызывающе откинула голову назад, потом, после паузы, тихо выдохнула: – Но я заставлю его полюбить.

Если она и лелеяла подобные надежды, тут требовались большая смекалка и женская смелость, но этими качествами мисс Гриби не обладала. Она не умела управлять мужчинами – ее женских инстинктов для этого не хватало, а смелость была чисто любовой. Она могла бы сносить голод, жажду и холод, цепляться за слабую надежду, остаться на тонущем корабле, но у нее не было особой женской смелости, какую мужчины не способны понять, а женщины не могут объяснить, даже проявляя ее со всей яркостью. Мисс Гриби была прекрасным товарищем, но не могла пробудить в мужчине любовь из-за тех самых ограничений, какими гордилась, обладая полумужскими качествами. Ноэль Ламберт хотел видеть в женщине женственность, и леди Агнес в его понимании представляла собой идеал жены. Мисс Гриби всеми возможными способами предлагала на эту роль себя, но Ламберт был к ней абсолютно равнодушен и даже помыслить не мог, что ему придется идти по жизни рядом с ней. Он называл ее «славной девочкой», а когда мужчина говорит такое о женщине, это значит: она может быть ему хорошим другом или даже платонической подругой, но никогда не станет в его глазах желанной женой. Мисс Гриби не хватало сексуальной привлекательности, что сводило все прочие достоинства к нулю. Странно, что с ее грубым здравым смыслом она не могла понять суть этого недостатка. Так или иначе, ее ясный и математически выверенный ум пасовал перед простой истиной: она не в состоянии дать Ламберту то, в чем он нуждается – женскую нежность, которую так любят сильные мужские натуры.

И ее поход в Аббатский лес представлял собой безнадежную затею, хотя она об этом и не подозревала. Ее целью было заполучить Ламберта в мужья. Душа его, по всей видимости, томилась по Агнес Пайн, и мисс Гриби планировала утолить эту тоску. Если он по-рыцарски любил эту даму – в чем мисс Гриби не сомневалась, – то, выйдя замуж за другого, она оказалась потеряна для него навсегда. Ламберт никогда не допустит, чтобы она подверглась униже-

нию, представ перед судом по делу о разводе. И, возможно, с надеждой думала мисс Гриби, его любовь к жене сэра Хьюберта в итоге обернется презрением – ведь истинной любви та предпочла деньги. С другой стороны, вспомнила мисс Гриби, помрачнев, Агнес вышла замуж за миллионера, чтобы спасти семью от разорения. Положение в обществе налагает определенные обязательства, и Ламберт мог одобрить эту жертву, ведь следующим наследником титула Гарвингтонов был он сам. Входя в Аббатский лес, мисс Гриби решила не забегать вперед, а выяснить, что у Ламберта на уме и каковы его чувства к женщине, которую он потерял. Сейчас ему наверняка требовался товарищ, и мисс Гриби была готова им стать, на время забыв о своих романтических чувствах.

Лес, принадлежащий Гарвингтону до тех пор, пока он платит проценты по закладной, был не очень большим. В прежние времена он был больше, в нем в изобилии водились дикие животные. В таком изобилии, что настоятели близлежащего монастыря многие сотни лет охотились на них. Но монастырь исчез с лица земли, не осталось даже развалин, и дичь тоже перевелась: лес становился все меньше, а местность вокруг все больше заселялась. Во времена короля Георга некий Ламберт – фамилия лорда Гарвингтона была Ламберт – заполучил остатки монастырского леса, выиграв его в карты у тогдашнего владельца. Теперь этот лес являл собой большое зеленое пятно посреди почти голого графства – Хенгишир известен своим редколесьем. В Аббатском лесу по-прежнему водились кролики и птицы, барсуки, горностаи и тому подобная живность, но оленей, на которых охотились аббаты, и след простыл. Гарвингтон заботился об этом лесе примерно так же, как и об остальных своих владениях, то есть не очень. Сердце кругленького низкорослого лорда было отдано кухне, и он предпочитал есть, а не выполнять обязанности землевладельца. И Аббатский лес стал более или менее общественной собственностью, исключая случаи, когда Гарвингтон проявлял жесткость и изгонял незваных гостей. Но бродяги все равно приходили в лес ночевать, цыгане разбивали таборы на его полянах, а в летнюю пору сюда влекло художников, которые восхищались чашчобными красотами и писали картины с вековыми деревьями, тихими прудами и неровными лужайками, усыпанными полевыми цветами всех возможных оттенков. Посетители художественной академии и всевозможных выставок живописи в центре Лондона были хорошо знакомы с Аббатским лесом – без нарисованной в нем картины не обходилась ни одна экспозиция.

Мисс Гриби уже бывала в этом лесу и точно знала, где находится хижина, упомянутая леди Гарвингтон. На опушке леса она увидела голубой дымок цыганских костров и услышала неясный гомон цыганских голосов, но, избегая встречи с бродягами, направилась через лес по извилистой тропинке. В конце концов она выбралась на просторную поляну, в центре которой по кругу стояла дюжина или больше грубых монолитов из серого, покрытого мхом и изъеденного непогодой камня. Видимо, это были руины храма друидов, и сюда, глянуть на диковинные реликвии, из краев близких и далеких наведывались археологи. В центре этого круга стояла крытая соломой хижина, будто из сказки: побеленные стены увиты плющом, решетчатые окна, на карнизах горшки с простыми цветами. Забора вокруг уединенного жилища не было: роль стражей выполняли монолиты, а между стенами хижины и гигантскими камнями издавали ароматные запахи густо посаженные английские цветы. Тут были и львиный зев, и душистый перец, бархатцы и душистая гвоздика, а еще тимьян, мята, шалфей и другие лекарственные травы. Все это благоухающее пространство находилось в окружении старых и молодых деревьев, стоявших чуть в стороне от изумрудной красоты нестриженных лужаек. Лучшего места для мечтателя, художника, отшельника или заблудшего принца из сказки и не придумаешь. Казалось, энергичная и грубоватая натура мисс Гриби с шумом – хотя не было произнесено ни слова – разрушила чарующую тишину этого уединенного места.

Но незваная гостья была слишком прозаична, уединенная живость этого уникального уголка ее не умиляла. Она пересекла лужайки и, миновав монолиты, подобно захватчику зашагала по узкой дорожке между сияющими клумбами. У крошечной зеленой двери она подняла

выцветший дверной молоток и с решительным стуком опустила его. Вскоре дверь открылась резким рывком, будто стоявший за ней был чем-то раздражен, – и на пороге появился очень высокий и стройный, хорошо сложенный молодой человек. На большом пальце одной руки он держал палитру, в другой сжимал пучок кистей, а еще одну кисть держал во рту, что, к счастью гостя, не позволило ему встретить ее грубостью. Проницательные голубые глаза явно выражали недовольство вторжением, но при виде мисс Гриби это недовольство сменилось подозрением. Ламберту, исходя из прежнего знакомства, гостя в целом очень даже нравилась, но женская интуиция, присущая всем творческим натурам, подсказала ему: эту даму лучше держать на расстоянии вытянутой руки. Она никогда открыто не заявляла о своей любви, но так или иначе намекала на нее взглядом, манерными жестами и чрезмерным к нему вниманием, когда он бывал в Лондоне. Он не мог честно сказать себе, что рад неожиданному визиту. С полминуты они стояли, уставившись друг на друга, и щеки мисс Гриби вспыхнули маковым румянцем при виде предмета своей любви.

– Ну что ж, отшельник, – заметила она, когда он ничего не сказал. – Раз гора не захотела прийти к Магомету, пророк пожаловал к горе.

– Гора тебя приветствует, – дипломатично произнес Ламберт и отступил в сторону, позволяя ей войти. Затем, приняв грубоватый и непринужденный тон, свойственный в общении мужчинам, какой мисс Гриби предпочитала в общении с друзьями, добавил: – Входи, старушка! Как друг к другу, верно?

– В некотором роде, – согласилась мисс Гриби, хотя, чисто по-женски, столь неромантичный прием ей не вполне пришелся по нраву. – Помню, в детстве мы здорово похулиганили вместе, верно? Да, – задумчиво добавила она, следуя за Ламбертом в его студию. – Если между женщиной и женщиной есть дружба, это как раз про нас.

– Пожалуй. Ты всегда была молодцом, Клара. Прекрасно выглядишь – чистый джентльмен.

– Ну перестань! – резко прервала его мисс Гриби.

– Почему? – Ламберт удивленно поднял брови. – Девочкой ты всегда хотела, чтобы в тебе видели мужские черты, ты то и дело повторяла: жаль, что я не родилась мальчиком.

– Но, как оказалось, я все же женщина, – вздохнула посетительница, опускаясь в кресло и оглядываясь по сторонам, – и у меня женские чувства.

– Прекрасные чувства, раз побудили тебя навестить меня в глуши, – невозмутимо заметил художник.

– Чем же ты занимаешься в глуши?

– Рисую, – последовал лаконичный ответ.

– Вижу. Натюрморты?

– Не совсем. – Он указал на мольберт. – Взгляни и одобри.

Мисс Гриби взглянула, но, будучи женщиной, к тому же влюбленной, явно не одобрила. Ее взору предстала только голова, но принадлежавшая прелестной девушке – ее лицо на холсте озаряла тонкая и вызывающая улыбка, словно она осознавала свою необузданную красоту. Иссиня-черные волосы струились прямыми волнами до плеч – бюст был лишь намечен – и там собирались в локоны. Над бровями повязан красно-желтый платок, а свисавшие с него монеты придавали лицу еще более дикарский вид. Нос, губы, глаза, очертания рисунка – все было совершенно, и это лицо казалось подлинным идеалом, полностью соответствующим всем канонам красоты. Но в очаровательном облике цыганки таилось нечто дикое и буйное, наводившее на мысль о странствиях без конца и края, о безграничной свободе дороги.

В сердце мисс Гриби вдруг проснулся ревнивый страх, подступил к горлу и лишил дара речи. Но у нее хватило ума сдержать неразумные слова, и она оглядела студию, чтобы взять себя в руки. Комната была маленькой и скудно обставленной: скромное пространство занимали диван, два глубоких кресла и маленький столик. Стены и потолок выкрашены в бледно-зеле-

ный цвет, на полу ковер того же нежного оттенка. Еще здесь находились необходимые материалы для рисования: кисти, мольберт, палитры и тюбики с красками, а возле единственного окна – чуть приподнятая платформа, где могла сидеть или стоять модель. На окне из сплошного стекла не было занавесок, и в комнату струился яркий свет.

– Во всех остальных окнах решетчатые рамы, – сказал Ламберт, перехватив взгляд посетительницы. – Я заказал это стекло, когда приехал сюда месяц назад. Сквозь решетки свет толком не проходит, его не хватает, чтобы увидеть истинные оттенки цвета.

– Далось тебе это окно! – беспокойно проворчала мисс Гриби, еще не вполне овладев собой.

Ламберт рассмеялся и, чуть склонив голову набок – красивую, подумала мисс Гриби, – посмотрел на свою картину.

– Далось, пока не привел его в порядок. Но, похоже, моя лачуга тебе не по вкусу?

– Ты заслуживаешь лучшего.

– Считаешь меня сибаритом, Клара?

– Просто не стоит забывать о своем положении.

– Думать о нем – радости мало, – возразил Ламберт, уселся на диван и достал трубку. – Ничего, если я закурю?

– Ничего, а если у тебя есть приличные сигареты, составлю тебе компанию. Спасибо! – Она ловко поймала серебряный портсигар, который он ей бросил. – Так что насчет твоего положения?

– Пятьсот фунтов в год и никакой работы – я вырос, не постигнув ремесла, не приобретя профессии, – неторопливо произнес Ламберт. – И что?

– Ты наследник титула и земель.

– Земли заложены и перезаложены. Что до титула, – Ламберт пожал плечами, – жена Гарвингтона еще может родить наследника.

– Вряд ли. Они женаты десять с лишним лет. Все наверняка достанется тебе.

– Все состоит из ничего, – хладнокровно заметил художник.

– Что ж, – протянула мисс Гриби, с наслаждением затягиваясь турецкой сигаретой, которая действовала на нее успокаивающе. – Ничто может обернуться кое-чем, когда кредиты по закладным будут погашены.

– Кто их погасит?

– Сэр Хьюберт Пайн.

При упоминании этого имени Ламберт нахмурил брови, как она и ожидала, и принялся старательно набивать трубку, избегая ее жесткого, пытливого взгляда.

– Пайн – деловой человек, если он выкупит закладную, то получит собственность в залог. Думаю, Гарвингтон от этого ничего не выиграет.

– Ламберт, – решительно обратилась к нему мисс Гриби, решив точно понять, что у него на уме. – Гарвингтон позволил сестре выйти замуж за сэра Хьюберта только потому, что тот богат. Я, конечно, не знаю наверняка, но мне кажется, что он договорился с Пайном с помощью этого брака все уладить.

– Вполне возможно, – отрезал художник, поморщившись. – Но хоть ты и старый друг, Клара, не вижу надобности обсуждать дела, которые меня не волнуют. Поговори с Гарвингтоном.

– Тебя волнует Агнес.

– Ты прямолинейна до неприличия! – воскликнул Ламберт с досадой. – И совершенно неправа. Агнес меня совершенно не волнует. Я любил ее, но раз она решила выйти замуж за Пайна, говорить больше не о чем.

– Если бы говорить было больше не о чем, – тонко заметила мисс Гриби, – ты бы не стал хоронить себя здесь.

– Почему сразу «хоронить»? Я люблю природу и искусство, но моего дохода не хватает, чтобы позволить себе приличную жизнь в Лондоне. Из армии пришлось уволиться, потому что я слишком беден. Гарвингтон позволил мне поселиться в этой хижине бесплатно, так что я вполне доволен: у меня есть живопись и миссис Трибб, которая ведет хозяйство и готовит. Таких поварах еще поискать, – задумчиво закончил Ламберт.

Мисс Гриби покачала рыжей головой.

– Ты меня не обманешь.

– Зачем оно мне нужно? – спросил мужчина, невольно на американский манер.

– Значит, нужно. Ты хочешь показать, что бросить якорь здесь – предел мечтаний. Просто не желаешь признаться, что с радостью поселился бы в поместье Гарвингтона, потому что Агнес...

Ламберт сердито вскочил.

– При чем тут Агнес? Она жена Пайна, и этим все сказано. Нет смысла мечтать о луне с неба...

– Значит, все-таки мечтаешь о луне, – быстро встала Клара.

– Даже у тебя нет права задавать мне такой вопрос, – спокойно и решительно ответил Ламберт. – Давай сменим тему.

Мисс Гриби указала на красивое лицо, улыбающееся с мольберта.

– Мой совет – меняй, – многозначительно произнесла она.

– Похоже, ты явилась, чтобы дать мне хороший совет.

– Которому ты не последуешь, – парировала она.

– Потому что он мне не нужен.

– Мужчина есть мужчина, а женщина есть женщина.

– Это неизбежно, как налоги, говорил мистер Баркис, если ты знакома с творчеством покойного Чарльза Диккенса. И что?

Мисс Гриби снова указала на картину:

– Хороша собой.

– Иначе я бы не стал ее писать.

– То есть у этого портрета есть оригинал?

– Портрета без оригинала не бывает, – язвительно заметил молодой человек. – Если тебе так интересно, отправляйся в цыганский табор на опушке леса, и все увидишь сама. – С недовольным видом он надел панаму. – С каких пор ты решила, что меня нужно нянчить?

– Что за чушь ты несешь! – воскликнула мисс Гриби, вскакивая на ноги. – Зачем так прямолинейно, так серьезно? Я просто зашла узнать, как дела у старого приятеля.

– Со мной все в порядке, я радуюсь жизни. Тебя это устраивает?

– Вполне. Только не влюбись в оригинал твоего портрета.

– Опоздала с предупреждением, – сухо сказал Ламберт. – Эту девушку я знаю уже полгода. Я встретил ее в цыганской повозке, когда прогуливался по окрестностям, и предложил нарисовать ее портрет. Она тут неподалеку, со своими, так что можешь увидеть ее, когда захочешь.

– Откладывать на потом – гиблое дело, – заявила мисс Гриби, с готовностью принимая предложение. – Идем, дружок. – Когда они вышли из сада на лужайку, она без обиняков спросила: – Как ее зовут?

– Халдея.

– Что за бред? Это же название племени.

– Не отрицаю, подружка. Но Халдея родилась в этом племени, вот ее так и назвали. Это где-то в Месопотамии. Цыгане ведь бродят повсюду. Она очень хорошенькая, а нравом настоящая дьяволица. Только Кара способен держать ее в узде.

– Кто такой Кара?

– Сербский цыган, играет на скрипке, как ангел. Горбун-карлик, лицо черное, волосатый, как обезьяна, но очень популярен благодаря своей музыке. Он без ума от Халдеи и любит ее со всей страстью.

– А она его? – спросила мисс Гриби, как обычно, напрямую.

– Нет, – ответил Ламберт, покраснев под своим загаром, и плотно сжал губы. Он выглядел очень представительно, шагая рядом с этой необычайно высокой женщиной. Его лицо, без сомнения, было по-саксонски красивым, а глаза – такие же голубые, как у самой мисс Гриби, только цвет лица гораздо нежнее. Даже слишком нежный для мужчины, считала она, но в душе признавала: его никак нельзя назвать женоподобным – тяжелая челюсть, твердый подбородок, плотно сжатые губы. С первого взгляда Ламберт и правда выглядел весьма благожелательным, и могло сложиться впечатление, что он – натура слабая. Однако опасность всегда превращала его в жесткого противника, и лицо его, когда он был взбудоражен, становилось неприятно свирепым. Он шел с военной выправкой, плечи отведены назад, а голова вздернута, как у изготовившейся к атаке змеи. Стань он военным и попади в суровые обстоятельства, в нем проявились бы лучшие черты: выносливость, умение быстро планировать и наносить удары, железная решимость. Но отсутствие случая и расслабляющее влияние цивилизованного существования делали его человеком, который действует в пределах возможного. Представятся время, место и шанс – и он проявит себя героем, а если нет – останется безобидным, как порох, который не способен воспламениться без искры.

Размышляя об этом, мисс Гриби оставила тему Халдеи и ее возможной любви к Ламберту и импульсивно воскликнула:

– Почему бы тебе не бросить цивилизацию и не отправиться в дальний путь?

– Зачем? – спросил он, ничуть не смутившись и несколько удивленный сменой темы. – Мне и здесь удобно.

– Да уж куда удобнее, – с нажимом парировала она. – Праздная жизнь, когда денег хватает только на то, чтобы прожить, а шансов проявить себя мужчиной – никаких. Иди, сражайся, захватывай земли, доказывай, что ты чего-то стоишь.

Ламберт снова покраснел, а его глаза заблестели.

– Я бы не прочь, будь такая возможность...

– Ну конечно, Геркулес и Омфала! – перебила его собеседница.

– Что ты имеешь в виду?

– Неважно, – парировала мисс Гриби, догадавшись: он прекрасно понимает, что она имеет в виду. Он зарделся, и стало ясно, как его задел этот намек на Агнес Пайн. – Ты бы увез ее, будь ты мужчиной.

– Халдею? – спросил Ламберт, сделав вид, что неверно истолковал смысл ее слов.

– Если угодно. Только не пытайся утащить ее ночью. Гарвингтон говорит, что пристрелит любого грабителя, который появится в доме с наступлением темноты.

– Я понятия не имел, что Гарвингтон имеет какое-то отношение к Халдее.

– Я тоже. Думаю, ты меня прекрасно понимаешь.

– Возможно, – сказал молодой человек, сердито пожав плечами – с какой стати она позволяет себе вмешиваться в его дела? – Но доводить женщину, которую я уважаю, до суда по бракоразводным делам не собираюсь.

– Уважаю? Ты имеешь в виду «люблю»?

Ламберт остановился и посмотрел ей прямо в глаза.

– Не хочу ссориться с тобой, Клара, мы очень давние друзья. Но предупреждаю – у меня вспыльчивый характер, и ты сейчас делаешь все, чтобы получить этому подтверждение. Так что придержи язык и давай поговорим о чем-то еще. А вот и Халдея.

– Следит за тобой, – пробормотала мисс Гриби, увидев, как к ним быстро приближается хрупкая цыганка. – Ха! – фыркнула она с подозрением.

– Любезный! – воскликнула Халдея, в танце приближаясь к художнику. – Любезный *sarishan*.

Мисс Гриби не понимала по-цыгански, но глаза девушки открывали очевидную истину. Возможно, Ламберт и не любил свою прекрасную модель, но было совершенно ясно – прекрасная модель любила Ламберта.

– *O баро дювель, атч на лесте!* – воскликнула Халдея и захлопала в тонкие ладони.

Глава III

Неожиданное открытие

– Не надо говорить со мной на калонском наречии, Халдея, – сказал Ламберт с улыбкой на красивом, сразу ожившем лице. – Ты же знаешь, я его не понимаю.

– Я тоже, – вставила мисс Гриби, как обычно по-мужски. – Что значит «О дьявол баро» и все остальное?

– Да пребудет с вами Великий Бог, – быстро перевела Халдея, – и *дювел* – это не дьявол, как вы, *горгио*, его называете.

– Разница всего в одной букве, – добродушно ответила дама из другого племени. – Покажи нам ваш табор, милая.

Дама явилась в обществе Ламберта, да еще и позволила себе говорить с цыганкой оскорбительно и свысока – в той сразу проснулась природная вспыльчивость. Она отступила и по-кошачьи качнулась, будто готовясь к прыжку, при этом ее черные глаза вспыхнули самым неприятным образом.

Но мисс Гриби было не испугать испепеляющими взглядами, она просто в голос рассмеялась, обнажив белые зубы. Ее грубоватое веселье и мужеподобная внешность показали Халдее – такой соперницы опасаться не стоит, и сердитое выражение на смуглом лице сменилось вкрадчивой улыбкой.

– *Авали! Авали!* Леди *горгио* хочет, чтобы ей предсказали судьбу.

Мисс Гриби дипломатично кивнула и полезла в карман.

– За предсказание дам тебе полкроны.

– Не мне, не мне, милая дама. Нашей великой колдунье, матушке Ракушке.

– Тогда отведи меня к ней, – ответила мисс Гриби, тем временем оценивая внешний облик Халдеи.

Ламберт нарисовал очень правдивый портрет девушки, хотя в чем-то идеализировал ее диковатую красоту. Внешность Халдеи пострадала и огрубела от ветров и дождей, долгих переходов и палящего солнца. Все же она была необыкновенно хороша собой, смуглая, горячая кожа, под которой, казалось, вольно струилась алая кровь. Безупречный овал лица, нос с легкой горбинкой, яркие полные губы, а еще – блестящие черные глаза истинной цыганки с чуть приподнятыми уголками. Черные как смоль волосы плавно ниспадали из-под красного платка на плечи и там, на кончиках, слегка кудрявились и завивались. Фигура ее была великолепна; она покачивалась и поводила бедрами с легкой грацией, напоминавшей зрителю гибкие движения пантеры. В Халдее многое напоминало об опасной красоте хищного зверя – и красоту эту только усиливало живописное платье. Оно было изорвано и залатано всевозможными цветными тканями, заношенными и выгоревшими на солнце почти до белизны. А еще она позвякивала монетами, бусами и всевозможными примитивными безделушками. Руки у нее были идеальной формы, как, бесспорно, и ноги, хотя последние были скрыты тяжелыми ботинками на шнуровке. В целом она являла собой чрезвычайно колоритную фигуру, истинное утешение для ценителя красоты на фоне однообразия нынешней эпохи.

– Все же я подозреваю, что она – спящий вулкан, – прошептала мисс Гриби на ухо спутнику, когда они шли за девушкой по табору.

– Не такой уж спящий, – так же заговорщицки ответил Ламберт. – Взрывается по малейшему поводу и не без разрушительных последствий.

– Ясно, что тебе это известно. Но если играть с вулканическим огнем, можно обжечь не только свои ловкие пальцы.

– Фу! Эта девушка всего лишь модель.

– Ха! Тоже мне, модель нашлась!

Ламберт, по своему обыкновению, пожал плечами и не стал вдаваться в дальнейшие объяснения. Мисс Гриби хочет выдавать свои домыслы за факты – это ее дело. К счастью, ее внимание привлекла яркая жизнь бродяг – все вокруг гудело и суетилось. Племя было довольно многочисленным и, как мисс Гриби узнала позже, состояло из разных кланов – Ли, Лавс, Бакленд, Хирн и другие, – смешавшихся в одно цыганское племя. Среди представителей разных кланов были не только чистокровные цыгане, но и много диддикаев, или полукровок. Возможно, хиреющие цыганские семьи сочли, что для взаимной выгоды лучше объединиться, нежели существовать порознь. Как бы то ни было, в таборе собралось много цыган, слившихся в большое и слегка буйное сообщество, поэтому тревога Гарвингтона была вполне оправданна. Не принимать всерьез вероятность ночной вылазки одного, двух, трех или более поджарых, жилистых, опасных на вид бродяг никак нельзя. Но все же необходимо признать, что в целом в таборе царил закон и порядок.

На множестве разноцветных кибиток висела всякая всячина: щетки и метлы, коврики из козых шкур, оловянная посуда, корзины всех видов и размеров. Лошади, приводившие в движение эти повозки всех цветов радуги, паслись на окраине лагеря, по большей части стреноженные. Среди передвижных домов попеременно теснились большие и маленькие палатки, жилище настоящих цыган, но стояла такая хорошая осенняя погода, что большинство их обитателей предпочитали спать под луной. Собаки дрались друг с другом из-за костей у костров или спали в самых неожиданных углах, держа один глаз открытым. И везде кувыркались, смеялись и плясали смуглолицые, тонконогие дети, все как один напоминая о Востоке. Мужчины с белозубыми улыбками, готовые подольститься женщины, как молодые и красивые, так и старые ведьмы – все вместе они смотрелись совершенно чужеродно на фоне тихого и уютного английского пейзажа. Было во всем этом что-то доисторическое, все намекало на опасные первобытные страсти, с трудом сдерживаемые, но готовые вырваться наружу при первом удобном случае.

– Это мигрирующие арийские кочевники, на новые охотничьи угодья их согнали голод либо избыток населения, – заметила мисс Гриби, ибо даже ее неромантическую натуру взволновала необычная живописность этой сцены. – При виде этих людей и запахах их костров я чувствую себя пещерной женщиной. Есть что-то великолепное в этой необузданной свободе.

– Весьма убогое великолепие, – ответил Ламберт, пожимая плечами. – Но я тебя понимаю. Иногда все мы тоскуем по первобытной жизни и рады сменить легкие времена на тяжелые.

– Ну, я бы сказала, что цивилизация – не бог весть какой плюс, – возразила его спутница. – Она делает мужчин слабаками.

– Уж точно не женщин, – ответил он, искоса взглянув на амазонку.

– Согласна. По какой-то причине мужчины катятся под гору, а женщины растут, физически и умственно. Интересно, какое будущее ждет цивилизованные расы?

– А вот и матушка Ракушка. Лучше спроси у нее.

Троица тем временем добралась до небольшой палатки на краю табора, уютно устроившейся под раскидистым дубом на берегу журчащего ручья. По пути никто не претендовал на их внимание или кошельки: Халдея, подмигнув, дала понять своим цыганским братьям и сестрам, что светская дама идет за советом к королеве их племени. Подобно знаменитому кивку советника Елизаветы Первой лорда Берли, подмигивание Халдеи означало многое. Так или иначе, Ламберт и его спутница обошлись без назойливых нападок и своим чередом прибыли в покои королевы. Королева внутри арабского шатра каркающим голосом напевала что-то цыганское. Халдея, ничего не говоря, просто дважды или трижды быстро щелкнула пальцами. Женщина в шатре, должно быть, обладала удивительно острым слухом – она тут же прервала свои заклинания, то бишь пение, и вышла наружу.

– О-о! – воскликнула мисс Гриби и отшатнулась. – Какая неожиданность!

Такая реакция была понятной: на фоне живописного табора в целом и Халдеи в частности матушка Ракушка выглядела как невзрачная служка при церкви или вдова из богадельни, знававшая лучшие времена. Видимо, возраста она была почтенного, ибо годы съежили ее и превратили в миниатюрную обезьянку, и можно было подумать, что достаточно легкого порыва ветра – и она взлетит, словно перышко. Смуглое лицо избороздили самые фантастические линии. Все морщинки были на своих местах, а нос упирался в подбородок, как и положено у ведьмы. И только в глазах таилась мощная жизненная сила, все еще бодрившая ее хрупкое тело, – казалось, пронзительный взгляд этих больших и темных глаз проходит сквозь тебя и видит дальние дали. Высохшая наподобие мумии фигура была на диво прямой для ее преклонных лет, а густые волосы едва тронула седина. В приличном черном платье, приличной черной шляпке и черной шерстяной шали пожилая леди выглядела весьма уважаемо. В ней не было ничего от колоритной бродяжки. Понятно, что мисс Гриби ждала чего-то другого и изумилась еще сильнее, когда королева леса заговорила – матушка Ракушка даже не перемежала английскую речь цыганскими словами, как Халдея.

– Доброго дня вам, миледи, и вам, сэр, – произнесла матушка Ракушка довольно сильным и резким голосом, какого не ждешь от человека ее лет и скромных габаритов. – Надеюсь, вы в добром здравии, – и она присела в реверансе, как любая деревенская дама, знакомая с этикетом.

– О-о! – снова воскликнула мисс Гриби. – Я представляла себе цыганскую королеву совершенно иначе.

– Ах, миледи, внешность – это еще не все. Но я чистокровная цыганка, из рода девонширских Стэнли. Меня зовут Джентилла, палатка – это мой дом, а в предсказании судьбы мне нет равных.

– *Авали*, так оно и есть, – с готовностью вставила Халдея. – Джентилла – *бори човихани*.

– Это дитя хочет сказать, что я великая ведьма, миледи, – сказала пожилая дама, снова приседая в реверансе. – Хотя глупо с ее стороны употреблять цыганские слова по отношению к язычникам, им ведь неведом язык, на котором Господь говорил в саду Эдема, как сказано в Писании.

– Где же в Библии вы такое нашли? – со смехом спросил Ламберт.

– Милый мой джентльмен, таким, как я, не подобает поучать таких, как вы, – сказала матушка Ракушка, ловко выходя из затруднительного положения, – но дорогая леди хочет, чтобы ей предсказали судьбу?

– Почему вы не сказали «*дуккерин*»?

– Мне не нравятся такие неприличные слова, сэр, – благочестиво ответила матушка Ракушка.

– Неприличные слова, – пробормотала Халдея, потрянув черными локонами. – Между прочим, они цыганские, какие ты впитала с молоком матери. Вот язычники и не хотят принять тебя за чистую монету. Будь королевой я...

В глазах старухи мелькнул злобный чертенок, ее уважаемый вид вмиг изменился.

– *Тол е чиб*, не то я поджарю твои кости на кострах бонго! – яростно вскричала она на смеси родного языка и английского. – *Джа пукенус*, шлюха ты трущобная, – она погрозила кулаком, и Халдея с нахальной усмешкой отошла в сторону. – *Бенгис* тебе в глаз! *Бенгис* тебе в глаз! Это, моя великодушная леди, – добавила она и повернулась к гостям, вдруг снова приняв личину напускной уважаемости, – означает «в твоём сердце дьявол», и я сказала это, будто ведьма бранит дитя. Скверное дитя.

Мисс Гриби громко рассмеялась.

– Похоже на правду.

– Бедная Халдея, – сказал Ламберт. – Вы слишком строги к ней, матушка.

– А ты, милый джентльмен, не слишком строг. С ней только хлопот наживешь, кончится тем, что она заставит Кару всадить тебе нож между ребер.

– С какой стати? Я в нее не влюблен.

– Дереву плевать на плющ, но плющ любит дерево, – мрачно объявила матушка Ракушка. – Ты добрый и любезный джентльмен, и я не хочу, чтобы эта шлюха глодала твои кости.

– Я тоже так думаю, – прошептала мисс Гриби ему на ухо. – Ты играешь с огнем.

– Да, моя добрая леди, – сказала матушка Ракушка, уловив шепот – слух у нее был кошачий. – С огнем бонго, а по-нашему, чертогом нечестивых, – и она многозначительно указала вниз.

– Вы имеете в виду ад? – спросила мисс Гриби в своей напористой манере.

– Мы, цыгане, называем это чертогом нечестивых, – настаивала старуха. – И эта девчонка отправится туда за свои колдовские дела.

– Во всяком случае, она очень хороша собой, терять такую модель я не хочу, – сказал Ламберт, дернув плечами. – Оставлю тебя, Клара, узнавай свою судьбу, а я пойду успокою Халдею.

Он направился к центру табора, и мисс Гриби шагнула было за ним. Халдея и правда больно хороша собой, да и не глупа – Ламберта опасно оставлять с ней один на один. Джентилла Стэнли заметила, как изменилось выражение сурового лица, как смягчился взгляд суровых глаз, а на щеках выступил румянец. Исходя из этого, она сделала свои выводы и усмехнулась: насколько правдиво она предскажет судьбу этой посетительнице? Чистым надувательством предсказания матушки Ракушки все-таки не были, но, когда ясновидение пасовало, она пыталась заглянуть человеку в душу, и это давало хорошие результаты.

– Значит, леди *горгио* хочет, чтобы ей предсказали судьбу? – спросила она вкрадчивым тоном. – Позолотите ручку матушке Ракушке, и она предскажет ваше будущее без прикрас.

– Почему вас называют матушкой Ракушкой? – спросила мисс Гриби, решив пока воздержаться от гадания.

– Благословенна твоя мудрость, это все рыбаки из Гримсби. Я много лет бродила по пляжам, делала заговоры, колдовала на хорошую погоду. Я Джентилла Стэнли, а они прозвали меня матушкой Ракушкой. Но судьба, моя язычница гостья...

– Не надо ее предсказывать, – резко перебила мисс Гриби. – Я в эту чепуху не верю.

– Есть чепуха, а есть правда, – мрачно произнесла старая цыганка. – А кому открыто знание, видят то, что скрыто от других.

– Что ж, днем у вас будет возможность подзаработать. Сюда за советом придут несколько глупцов из поместья.

Матушка Ракушка кивнула и улыбнулась, показав ряд прекрасно сохранившихся зубов.

– Знаю я это поместье, – сказала она, потирая тонкие руки. – И лорда Гарвингтона с его хорошенькой сестрой.

– Леди Агнес Пайн? – спросила мисс Гриби. – Откуда вы ее знаете?

– Я бывала в этих краях раньше, любезная леди, и она была добра ко мне, когда я хворала. В ту суровую зиму я запросто могла помереть, если бы она, так сказать, не выходила меня. Я бы с радостью повидала ее снова. Дружить с *пуро* для меня привычно, как и *аушти хаббен*, по-вашему, мой драгоценный ангел, это значит «повидать старого друга – все равно что вкусно поужинать». *Авали! Авали!* – она с улыбкой кивнула. – Буду рада ее видеть, хотя и говорю с тобой на цыганском, а вы этой речи не обучены.

Похвала в адрес леди Агнес не пришлась мисс Гриби по вкусу, ведь Ламберт любил леди Агнес и, возможно, любит до сих пор. И мисс Гриби относилась к ней ревниво и желала всяческого зла. Но раскрывать свои истинные чувства перед матушкой Ракушкой неразумно –

вдруг старая цыганка передаст ее слова леди Агнес? И мисс Гриби сменила тему, указав на белоснежную кошку огромных размеров, грациозно вышедшую из палатки.

– Я думала, раз вы ведьма, кошка должна быть черной, – сказала мисс Гриби.

Матушка Ракушка ухнула по-совиному и торопливо произнесла какое-то цыганское заклинание, чтобы отвести зло.

– Черный – цвет дьявола, холера его задери! – воскликнула она. – Зачем мне его держать в своем доме? Чтобы творил зло? Это мой белый призрак. – При этих словах она нежно поглаживала кошку. – В мое жилище она приносит только добро. Но я не ем из белой посуды, не пью из белых кружек. Нет! Нет! Это было бы чересчур по-колдовски.

Мисс Гриби задумалась.

– Я кое-что слышала об этих цыганских суевериях, – неспешно заметила она.

– *Аво! Аво!* Они есть в книге, написанной одним великим цыганом. Его звали Лиланд, цыган Ли, который владел землей язычников. Он добавил эту землю к земле цыган, как ему сказал один из наших людей. Такой приятный господин, добрый, не обремененный деньгами, но ума недюжинного. Много раз он сидел со мной по-приятельски и говорил: «Джентилла, ты *бори човихани*», а это, моя великодушная леди, на вашем языке значит «великая ведьма».

– Халдея так про вас и сказала, – как бы между делом заметила мисс Гриби.

– Дитя говорит правду. Подойдите, позолотите ручку, милая леди.

Мисс Гриби передала ей полкроны.

– Я хочу знать только одно, – сказала она, протягивая ладонь. – Исполнится ли мое желание?

Матушка Ракушка пристально посмотрела на руку мисс Гриби, хотя уже решила, что ей скажет. Ее способности, отточенные годами жулничества, подсказали ей: мисс Гриби хочет выйти за Ламберта. Как она посмотрела ему вслед, когда он пошел успокоить Халдею! А Ламберту эта высокая дама явно безразлична, и искусный ум матушки Ракушки сразу предложил верное решение.

– Нет, миледи, – сказала она, театральным жестом отбрасывая руку. – Ваше желание никогда не исполнится.

Мисс Гриби рассердилась.

– Интересно! Не зря я всегда считала, что это гадание – чушь собачья, – и она пошла прочь.

– Посмотрим, что вы скажете через полгода! – прокричала старуха ей вслед.

– Почему через полгода? – спросила та, остановившись.

– Есть такая мрачная присказка, – осклабилась цыганка. – Не шесть месяцев, так семь, только не надейся на то, что тебе не светит, как кошке не слопать сливки. А семь, кстати, – священное число, и заклинание подействует.

– Цыганский жаргон, цыганское вранье, – пробормотала мисс Гриби, тряхнув рыжей гривой. – Ни единому слову не верю. Скажите...

– Все, уже высказалась, – грубо перебила ее матушка Ракушка, получив свои деньги и больше не считая нужным проявлять вежливость, тем более что посетительница ей не верила. – Один из нашего племени – да, настоящий цыган – собирается к нам в табор в гости. Вот-вот объявится, так что пойду готовить рагу из ежей, говорю тебе на твоём языке язычников, ты же *горгио*. Так что доброго дня, миледи, – закончила старая карга, снова обретая респектабельный вид. Потом она сделала реверанс – то ли с иронией, то ли всерьез, мисс Гриби не поняла, – и исчезла в палатке, а белая кошка пошла за ней, подобно упомянутому выше привидению.

Стало ясно: вывести у матушки Ракушки что-то еще не удастся: столкнувшись с недоверием гостьи, она потеряла к ней интерес. Решив, что с этим эпизодом покончено, мисс Гриби занялась поисками Ламберта. Держа дубинку под мышкой и засунув руки в карманы пиджака, она расхаживала по табору мужской походкой, не достаивая цыган ни единым ответом на их

приветствия. Вскоре она увидела художника – он болтал с Халдеей у начала ведущей к его хижине тропинки. Рядом с ними на траве сидело на корточках какое-то странное существо.

Это был маленький горбун, крайне низкорослый, с крупным, темным, меланхоличным лицом, густо заросшим черными волосами. Вельветовые брюки, грубые ботинки – ступни и ладони у него были огромные, – зеленый кафтан и небрежно повязанный вокруг волосатой шеи красный платок. На спутанных волосах, удручающе нечесаных и неопрятных, не было шляпы, и он походил на домового, нелепого, хотя и немного грустного. Но еще больше он походил на обезьяну, или промежуточное звено между ней и людьми, и только глаза казались человеческими. Большие, темные и блестящие, под его спутанными локонами они сверкали драгоценными камнями. Он сидел на лужайке, скрестив ноги, и обнимал скрипку, будто нянчил младенца. Без сомнения, к своему инструменту он был привязан так, как мать привязана к своему ребенку. Мисс Гриби без труда догадалась, что этот странный волосатый карлик – сербский цыган Кара, о котором говорил Ламберт. Она воспользовалась этим знанием, чтобы испортить девушке настроение.

– Это ваш муж? – дружелюбно спросила мисс Гриби.

Глаза Халдеи вспыхнули, а щеки запунцовели.

– Вовсе нет, – презрительно ответила она. – У меня нет своего цыгана.

– Так вы не замужем?

– Нет, – бросила Халдея и тут же взглянула на Ламберта.

– Она ждет прекрасного принца, – сказал молодой человек с улыбкой. – И он вот-вот появится в таборе.

– Да, появится Измаил Хирн, – подтвердила цыганка. – Но он не мой *ром* и никогда им не будет.

– Кто же он такой? – не задумываясь, спросил Ламберт.

– Один из великих цыган.

Мисс Гриби вспомнила, что матушка Ракушка тоже говорила с почтением о каком-то госте.

– Что-то вроде короля? – спросила она.

Халдея весело рассмеялась.

– Да, что-то вроде короля, – согласилась она, потом бесцеремонно повернулась спиной к собеседнице и обратилась к Ламберту: – Я не могу прийти, любезный. Измаил захочет меня видеть. Мне надо подождать.

– Досадно, – сказал Ламберт с раздражением. – Представляешь, Клара, мне пришлось в голову изобразить эту пару в образе Красавицы и Чудовища или, возможно, Эсмеральды и Квазимодо. Хочу, чтобы они пришли в хижину и сели позировать, но они будут ждать этого проклятого Измаила.

– Можем завтра, – быстро вставила Халдея. – Сегодня днем я должна танцевать для Измаила, а Кара будет играть.

– Измаила ждет прекрасный прием, – сказала мисс Гриби. Потом, желая поговорить с Халдеей наедине и объяснить ей, что надеяться выйти замуж за Ламберта бессмысленно – если та лелеяла подобные мысли, – добавила: – Думаю, я останусь и увижусь с этим вашим Измаилом.

– Тогда я иду к себе в хижину, – ответил Ламберт и неторопливо зашагал по дорожке, усыпанной увядшими листьями.

– Когда появишься в поместье? – крикнула мисс Гриби ему вслед.

– Никогда! Я очень занят, – бросил он через плечо и исчез в лесу. Вот так уйти – это могло показаться невежливым, но мисс Гриби нравилось, когда с ней обращались как с товарищем, без церемоний. Точнее, нравилось, когда это делали другие мужчины, но не Ламберт. Его она

любила, а он вот так взял и ушел, не подумав о ней. Мрачно нахмурившись, она переключила внимание на Халдею.

Девушка заметила, что мисс Гриби раздражена, и догадалась о причине ее раздражения. Эта рыжая костлявая дылда влюблена в красавца *горгио*! Какая нелепица! И Халдея расхохоталась. Мисс Гриби резко повернулась к ней, но не успела открыть рот, как вокруг послышались громкие приветствия.

– *Саришан*, друг! *Саришан*, ба! – закричали голоса, и Халдея вздрогнула.

– Измаил! – воскликнула она и побежала к табору.

Кара неторопливо последовал за ней.

Желая поскорее увидеть великого цыгана, чье прибытие вызвало такой переполох, мисс Гриби смешалась с толпой возбужденных бродяг. Они окружили вороного коня, на котором восседал стройный смуглолицый мужчина истинно цыганской породы. Мисс Гриби уставилась на него и заморгала, словно не могла поверить своим глазам, а мужчина махал рукой и отвечал на многочисленные приветствия на цыганском языке. Наконец, он увидел ее, стоявшую чуть в стороне от толпы, – и вздрогнул. И тут она поняла, что не ошиблась.

– Сэр Хьюберт Пайн, – произнесла мисс Гриби, не отрывая от него взгляда. – Сэр Хьюберт Пайн!

Глава IV Секреты

Все накинулись на новоприбывшего с приветствиями, и, видимо, мисс Гриби никто не услышал. Но человек на лошади перехватил ее удивленный взгляд и заметил, что ее губы шевелятся. В мгновение ока он соскочил с лошади и стал проталкиваться к ней сквозь толпу.

– Сэр Хьюберт, – начала мисс Гриби, но ее тут же прервали.

– Не выдавайте меня, – перебил Пайн, которого здесь знали как Измаила Хирна. – Сейчас я тут разберусь, тогда сможем поговорить наедине.

– Хорошо, – кивнула дама и скрестила за спиной руки с дубинкой. Она была так удивлена, увидев миллионера в лесу, что едва не лишилась дара речи.

Довольный ее понятливостью, Пайн повернулся к своим друзьям и долго бегло говорил на цыганском. Он сообщил им, что у него есть кое-какие дела с язычницей, пришедшей в табор для встречи с ним, и он на полчаса их оставит. Видимо, он был здесь крайне популярен, потому что мисс Гриби ошутила на себе мрачные взгляды – цыгане лишились его общества. Но Пайн не стал обращать внимания на это недовольство. Закончив речь, он снова пробился к даме, которая, на беду для него, знала, что на самом деле он – миллионер. Быстрым шепотом он предложил мисс Гриби следовать за ним и двинулся в глубь леса. Очевидно, он знал лес очень хорошо и представлял, где можно уединиться для беседы с глазу на глаз. Обогнув центральную поляну, где стояла хижина Ламберта, он привел спутницу в уединенную лощину, подальше от лагеря его собратьев. Тут он сел на покрытый мхом камень и вперил черные глаза в мисс Гриби.

– Что вы здесь делаете? – властным тоном спросил он.

– Этот вопрос я собиралась задать вам, – дружелюбно ответила мисс Гриби.

Она могла позволить себе быть любезной, потому что чувствовала себя хозяйкой положения. Пайн, видимо, понял это и нахмурился.

– Вы, должно быть, давно догадались, что я цыган, – раздраженно бросил он.

– На самом деле ни я, да и, скорее всего, никто другой этого не знал. Я думала, что в ваших жилах течет негритянская кровь, слышала от кого-то, что вы родом из Вест-Индии. И что с того, что вы цыган? В этом нет ничего постыдного.

– Конечно нет, – согласился миллионер. Подавшись вперед и сцепив руки, он опустил взгляд к земле. – Я горжусь тем, что в моих жилах течет благородная цыганская кровь. Но я предпочитаю вест-индскую легенду – не хочу, чтобы кто-то из моих цивилизованных друзей знал, что я Измаил Хирн, родившийся и выросший в палатке.

– Ну, это естественно, Пайн. Что бы сказал Гарвингтон?

– Будь он проклят, этот Гарвингтон!

– Будь проклята вся эта семья, – холодно парировала мисс Гриби.

Пайн свирепо посмотрел на нее.

– За исключением моей жены.

– Естественно. Вы – примерный семьянин.

– Возможно, – смиренно сказал Пайн. – Рядом с Агнес я превращаюсь в глупца.

С этими словами мисс Гриби была полностью согласна, но не сочла нужным подтверждать очевидное. Она села, достала из кармана портсигар Ламберта, случайно оставшийся у нее, и собралась закурить. Они были совершенно одни в этой сказочной долине, окружавшие их деревья поражали великолепием ярких осенних красок. Легкий ветерок, пронесшийся по лесу, осыпал голову женщины хрустящими листьями тиса, и мисс Гриби напоминала Даная под золотым дождем. Пайн устался в землю и сильно закашлялся. Мисс Гриби был знаком этот кашель, ее друг-медик несколько раз говорил ей, что сэр Хьюберт страдает тяжелой формой чахотки. Вид у него и правда был болезненный, видимо, жить ему оставалось недолго.

А если он умрет, леди Агнес, унаследовав его состояние, станет еще более выгодной партией. И мисс Гриби, догадываясь, чьей женой она станет, прокляла про себя его нездоровье. Но она ничем не выдала своего волнения, твердой рукой зажгла сигарету и спокойно закурила. Она всегда гордилась своей выдержкой.

Миллионер был высок и худощав, с жилистой фигурой и овальным лицом оливкового цвета. Чисто выбритый, с орлиным носом, тонкими губами и блестящими черными глазами, напоминавшими глаза Кары, он походил на родовитого индийского принца. Узкие ступни и тонкие загорелые руки намекали на восточную цыганскую кровь, и было в нем что-то от дикого скитальца, чего мисс Гриби не замечала, встречаясь с ним в Лондоне.

– Наверное, дело в одежде, – сказала она вслух, критически глядя на Пайна.

– Вы о чем, мисс Гриби? – спросил он, тревожно взглянув на нее, и снова зашелся в чахоточном кашле.

– Тот случай, когда ряса делает монахом, – спокойно ответила она. – Вельветовые бриджи и бархатная куртка, цветная рубашка и желтый платок на шее – этот наряд вам больше к лицу, чем сюртуки и фраки, в каких я вас видела. В той одежде в вас действительно есть что-то от негра. А сейчас с первого взгляда ясно – цыган.

– Просто вы слышали, что меня зовут Измаил, увидели меня среди своих, – сказал он с усталой улыбкой. – Не говорите Агнес.

– Мне это ни к чему. Выдаете себя за цыгана – это ваше дело.

– Я выдаю себя за сэра Хьюберта Пайна, – возразил миллионер, соскользнул с камня и растянулся во весь рост на траве. – На самом деле я один из тех, кто живет в этом таборе.

– Они знают ваше имя среди язычников?

Пайн рассмеялся.

– Вы подхватываете цыганский жаргон, мисс Гриби. Нет, все здесь принимают меня за того, кто я есть, за Измаила Хирна, а мои друзья в цивилизованном мире думают, что я сэр Хьюберт Пайн, миллионер с примесью негритянской крови.

– Как вышло, что у вас раздвоение личности и вы живете двойной жизнью?

– Ну, это легко объяснить, и раз уж вы меня разоблачили, я все вам объясню – вам будет легче сохранить мою тайну, по крайней мере, от моей жены, ведь она придет в ужас, если узнает, что вышла замуж за цыгана. Обещаете молчать?

– Конечно. Ничего не скажу. Но, возможно, брак с цыганом ей покажется предпочтительней брака с негром.

– Спасибо за добрые слова, – саркастически заметил Пайн. – Но я не могу позволить себе ссориться с вами. Вы богаты, и я даже не могу купить ваше молчание, остается полагаться на вашу честь.

– Ее у меня в достатке, – с готовностью заверила его мисс Гриби.

– Когда вам это выгодно, – усомнился он.

– В данном случае – выгодно.

– Почему?

– Отвечу, когда выслушаю ваш рассказ.

– На самом деле рассказывать особо нечего. Я родился и вырос в скитаниях и, поняв, что трачу жизнь впустую, покинул свой народ и вступил в мир цивилизации. В Лондоне я устроился клерком и, будучи человеком с головой, вскоре заработал деньги. Я познакомился с изобретателем дешевых игрушек и увидел в них возможность разбогатеть. Сорвать большой куш не получилось, но я скопил достаточно денег и стал играть на бирже. На буме в Южной Африке заработал тысячу. Другие спекуляции позволили мне эту тысячу превратить в миллион, и теперь у меня больше двух миллионов, заработанных честным путем.

– Честным? – многозначительно переспросила мисс Гриби.

– Уверяю вас, честным. Мы, цыгане, умнее вас, язычников, и умеем делать деньги не хуже, чем евреи. Не будь мой народ так привязан к бродячей жизни, он бы заметно преуспел на мировых финансовых рынках. Но, за исключением меня, мы оставляем эти дела евреям. А я влез в мир денег и был вознагражден – быстро скопил целое состояние. У меня есть земля, дома, отличные инвестиции и титул, – саркастически добавил он, – каким меня наградило благодарное правительство за то, что я правильно распорядился своими деньгами.

– Титул вы купили, помогая политической партии, в которую вступили. – Мисс Гриби пожала плечами. – Об этом ходили слухи.

– Ходили. Но мне на эти слухи плевать. Короче, вот вам мой рассказ.

– Это не все. Вы сейчас должны быть в Париже, а...

– А вы видите меня здесь, – перебил Пайн, чуть улыбаясь. – Видите ли, я цыган и не всегда могу выносить жизнь под крышей, какую ведете вы, язычники. И сердце часто рвется в дорогу. Мало этого, поскольку врач говорит, что у меня туберкулез, мне надо как можно чаще бывать на свежем воздухе, так что я, как говорится, одним выстрелом убиваю двух зайцев. Цыганская жажда странствий идет мне на пользу, я поправляю здоровье и ублажаю свою ностальгию по палатке и дикой природе. Понимаете, вы...

Тут он зашелся в приступе кашля.

– Непохоже, что цыганская жизнь идет вам на пользу, – сказала мисс Гриби, окинув его быстрым взглядом – ведь от его благополучия зависели ее планы. – Вид у вас довольно изможденный, Пайн. А если вы умрете, ваша жена станет свободна и...

Пайн выпрямился, отнял ото рта платок, испачканный кровью. Его глаза заблестели, обнажились белые зубы.

– Станет свободна – и? – злобно спросил он, и дьявол, который раньше сверкнул в глазах матушки Ракушки, теперь ясно заблестел в его глазах.

Мисс Гриби ничуть не тронули его очевидное огорчение и нескрываемый гнев, и ответила она уклончиво:

– Вы же знаете, что перед вашей женитьбой она была почти помолвлена со своим кузеном, – многозначительно намекнула она.

– Знаю, черт бы его подрал, – простонал Пайн, перекатился на спину и яростно вцепился в траву. – Но сейчас он не в поместье?

– Нет.

– Агнес ничего о нем не говорила?

– Нет.

Пайн глубоко вздохнул и, довольно кивнув, медленно поднялся на ноги.

– Я рад. Агнес порядочная женщина и никогда не станет его как-то поощрять. Что мое, то мое, она это знает. Я ей доверяю.

– Правда? Зачем тогда отправили в поместье своего секретаря?

– Сильвера? – Пайн неловко рассмеялся и пнул пучок мха. – Я просил его присматривать за ней, хотя на самом деле повода для этого нет. Он многим мне обязан, ведь я вытащил его из грязи. Если бы Ламберт беспокоил мою жену, Сильвер дал бы мне знать, и тогда...

– И тогда? – поспешно подхватила мисс Гриби.

Мужчина сжал кулаки, лицо его исказилось, а не укрощенная цивилизацией кровь выплеснулась наружу.

– Я бы свернул ему шею, размозжил ему череп, я бы... я бы... даже не спрашивайте, что бы я сделал.

– На вашем месте я бы держала себя в руках, – предупредила мисс Гриби, встревожившись, что вызвала такую бурю. Не хватало только, чтобы ее любимый мужчина схлестнулся с этим припудренным цивилизацией дикарем. Ведь Ламберт совсем рядом, в двух шагах от ревнивого мужа. – Держите себя в руках, – повторила она.

– Посоветуете что-то еще? – спросил разгневанный Пайн.

– Да. Уходите отсюда, если не хотите, чтобы ваша жена узнала тайну вашего рождения. Леди Гарвингтон, миссис Белгроув и другие гости придут в табор, чтобы им погадали. Вас наверняка заметят.

– Буду держаться от них подальше, – угрюмо и с подозрением сказал Пайн.

– Ваши друзья-цыгане могут раскрыть вашу тайну.

– Никто из них не знает, что это тайна. Для них я Измаил Хирн и никто другой. Но долго я здесь не задержусь.

– Странно, что вы вообще здесь объявились, когда ваша жена гостит у своего брата.

– Сама смелость моего появления и есть лучшая защита, – едко заметил Пайн. – Я знаю, что делаю. Что до Ламберта, если думает жениться на моей жене после моей смерти, он ошибается.

– Надеюсь, вы не умрете, мне вы нужны живым!

– Зачем я вам? – резко спросил Пайн.

– Я люблю Ламберта и хочу выйти за него замуж.

– Выходите за него, – хрипло сказал миллионер, – и я дам вам тысячи фунтов. О-о! Совсем забыл – у вас большой доход. Но выходите за него, выходите, мисс Гриби. Я помогу всем, чем смогу.

– Обойдусь без посторонней помощи, – холодно ответила она. – Одна просьба: воздержитесь от драк с Ламбертом.

– Что? – На лицо Пайна снова набежали тучи. – Он в поместье? Вы сказали...

– Я знаю, что я сказала. В поместье его нет, но он остановился в хижине в двух шагах отсюда.

Пайн тяжело вздохнул и снова зашелся в приступе кашля.

– Чем он занимается?

– Пишет картины.

– Около поместья не появлялся?

– Нет. Мало того, сегодня он сказал мне, что подходить к нему не собирается. Не думаю, что вам стоит бояться, Пайн. Ламберт – человек чести, надеюсь, он станет моим мужем.

– Он никогда не станет мужем моей жены, – процедил миллионер сквозь зубы и сильно нахмурился. – Я знаю, что дожить до семидесяти мне не светит. Ваша адская тепличная цивилизация меня убивает. Но если Ламберт надумает жениться на моей вдове, это будет вопреки желанию Гарвингтона, и Агнес станет нищей.

– Что именно вы имеете в виду?

Мисс Гриби отшвырнула окурок и поднялась на ноги.

Пайн вытер пот со лба и тяжело вздохнул.

– Я имею в виду, что Агнес получит мои деньги только при одном условии: она не выйдет замуж за Ламберта. За любого другого – пожалуйста. Но не за своего кузена.

– Потому что она любит его?

– Да, и потому что он любит ее, черт его дерит.

– Нет, не любит, – позволила себе ловкую ложь мисс Гриби, от души желая, чтобы она оказалась правдой. – Он любит меня, и я намерена выйти за него замуж. Теперь вам ясно, что я имела в виду, говоря о чести, которая не позволит мне раскрыть вашу тайну. Моя честь – это Ламберт.

– О-о, тогда я верю в вашу честь, – цинично усмехнулся Пайн. – В данном случае вами движет чистый эгоизм, стало быть, хранить молчание – в ваших интересах. Узнай Агнес, что я настоящий цыганский бродяга, она может сбежать с Ламбертом, но раз вы хотите заполучить его в мужья, вам придется держать язык за зубами. И на том спасибо, мисс Гриби.

– Говорю вам, что Ламберт любит меня, – упрямо воскликнула та, пытаясь убедить себя в правдивости этих слов. – И не важно, оставите вы деньги жене или кому-то еще.

– Я думаю иначе, – возразил он. – Но подстраховаться не мешает. Если моя вдова выйдет замуж за Ламберта, она потеряет мои миллионы, и они достанутся... – Он резко оборвал себя. – Неважно, кому они достанутся. Это человек, который вам ни в малейшей степени не интересен.

Мисс Гриби воткнула свою дубинку в рыхлую почву и задумалась.

– Если Ламберт все еще любит Агнес, во что я не верю, – заметила она после паузы, – он женится на ней, даже если у нее не будет и шиллинга. И ваш запрет, исключаящий его из списка ее вторых мужей, – это пустая затея, Пайн.

– Я также сказал, – быстро добавил он, – что против этого брака будет Гарвингтон.

– Почему?

– Догадаться не трудно. Гарвингтон позволил мне жениться на его сестре по одной причине: я состоятельный человек. По сути, я купил ее, оказав ему помощь, а она отдалась мне без любви, чтобы спасти имя семьи от позора. Агнес хорошая женщина, у нее ярко выражено чувство долга. Брак с нищим кузеном практически вычеркнул бы семью Ламберт из общества, от нее остался бы разве что титул. Поэтому она вышла за меня, и я чувствовал себя мерзавцем, принимая эту жертву. Но я пошел на этот шаг – был сильно в нее влюблен. Я и сейчас ее люблю, и остаюсь мерзавцем, потому что меня душит ревность к этому кузену. Она никогда не выйдет за него – Гарвингтон сыграет на сильном желании сестры спасти семью еще раз и не позволит ей проявить глупость и потерять деньги. Примерно два миллиона, – цинично закончил Пайн. – Не слишком ли дорого за второго мужа?

– Агнес знает об этих условиях?

– Нет. И я не собираюсь ей сообщать. И вас прошу не болтать языком.

Мисс Гриби натянула толстые перчатки и кивнула.

– Я же сказала, что некоторое представление о чести у меня есть. Вы дадите Ламберту знать, что вы где-то поблизости?

– Нет. Какая в этом нужда? Я задержусь здесь ненадолго, мне надо встретиться с одним человеком. Сильвер присмотрит за Агнес и придет в табор – рассказать о своих наблюдениях.

– Значит, Сильвер знает, что вы Измаил Хирн?

– Да. Он знает все мои секреты, и я полностью ему доверяю, потому что он всем обязан мне.

Мисс Гриби презрительно рассмеялась.

– Мужчина в вашем возрасте, с вашим опытом верит в чувство благодарности? Ну, это не мое дело. Можете не сомневаться, что для достижения своих целей я буду держать язык за зубами и не позволю Ламберту добиваться вашей жены. Нет, он-то ее не любит, – поспешно добавила она, когда Пайн снова нахмурил брови. – Но она любит его и может применить свои чары...

– Не смейте говорить о чарах, когда речь идет о моей жене, – грубо прервал ее Пайн. – Она не кокетка, и я ей доверяю...

– Пока она под присмотром Сильвера, – презрительно закончила мисс Гриби. – Какая рыцарская самоуверенность! Что ж, мне пора. Что-нибудь хотите передать вашей...

– Нет! Нет! Нет! – снова перебил ее Пайн. – Она не должна знать, что я здесь, кто я на самом деле и как меня зовут. Вы мне обещали и сдержите слово. В этом я не сомневаюсь – на карту поставлены ваши интересы.

– Вот, наконец слова разума. Жаль, что вам его не хватает, когда вы говорите о Сильвере – доверяете ему, потому что вы его облагодетельствовали. Всего доброго, наивный человек. Еще увидимся...

– В Лондоне, где я – Хьюберт Пайн, – отрывисто бросил миллионер, и мисс Гриби, добродушно пожав плечами, зашагала прочь, размахивая палкой и весело насвистывая. Она была

очень довольна полученными сведениями – они, вполне вероятно, окажутся полезными, попытается Ламберт все-таки добиться недостижимого. Мисс Гриби усыпила подозрения Пайна относительно любви молодого человека к Агнес, но в глубине души понимала – ее слова лишь жалкая ложь. И, по дороге в поместье, она размышляла: как бы распорядиться полученными тайными сведениями и превратить эту ложь в приемлемую правду.

Когда она ушла, Пайн снова опустился на камень и зашелся неистовым кашлем. Горло и легкие болели, а лоб взмок от пота. Упершись локтями в колени и закрыв лицо руками, он сидел, с несчастным видом размышляя о своих горестях. Ему осталось лишь несколько лет, лучшие врачи Европы и Англии от него отказались, а когда он отправится в мир иной, вполне возможно, что Агнес выйдет замуж за его соперника. Вроде бы он принял меры, чтобы такого не произошло, но кто знает, вдруг любовь к Ламберту заставит ее отказаться от миллионов?

– Одна надежда на Гарвингтона, что сумеет пробудить в ней семейную гордость, – уныло простонал Пайн. – Ради этого она принесла себя в жертву, пойдет ли она на такое еще раз? Кто знает?

Он не мог найти ответа на этот вопрос – ни один мужчина не скажет наверняка, как поступит женщина, если затронуты ее самые глубокие чувства.

Кто-то тронул Пайна за плечо, и он вскочил на ноги с настороженностью дикого животного, учуявшего опасность. Рядом с ним стояла Халдея, и, блестя глазами, безо всяких предисловий, не ходя вокруг да около, она перешла к делу.

– Я слышала каждое слово, – с торжеством заявила она. – Так что я знаю, кто ты такой, брат.

– Зачем ты пришла сюда? – резко спросил Пайн и нахмурился.

– Хотела услышать, брат, что общего у цыгана с леди-горгио. И что же я услышала? Ты живешь в домах язычников, носишь имя язычника, обманываешь, как язычник, и женат на язычнице. Говоря по-цыгански, брат, это нехорошо.

– Это мой выбор, сестра, – спокойно ответил Пайн, видя, что Халдея его раскрыла и спорить с ней бесполезно. – То, чем я занимаюсь, приносит благо нашему народу.

Халдея рассмеялась и сдула с пальцев перышко, мимоходом подобранное в зарослях, из-за которых она подслушивала.

– Мне до твоих занятий, как до него, – сказала она, указывая на медленно летевшее к земле перышко. – Меня волнует моя судьба и моя любовь, брат.

– Что?

Пайн приподнял брови.

– Мое сердце отдано *горгио*, – твердо произнесла Халдея. – Цыганская любовь, брат. Как думаешь, Ламберт – хорошее имя?

– Это имя дьявола, сестра! – вскричал Пайн.

– Этого дьявола я и люблю. Для меня он сладкий, а для тебя кислый. Скажу тебе по-цыгански, брат, – хочу, чтобы он был мой *ром* из язычников, как у тебя есть *роми* из *горгио*.

– А как же Кара? – спросил Пайн, и в глазах его вспыхнула искра – идея таким путем избавиться от Ламберта пришла к нему по душе. Девушка была красива, и с присущим ей умом она вполне может добиться своего, тогда между Агнес и ее кузеном сразу возникнет барьер – она никогда не простит Ламберту, что он предпочел ей цыганку.

– Кара играет на скрипке, но не на струнах моего сердца, – холодно произнесла Халдея и лукаво посмотрела на Пайна. – Лучше помоги мне, брат, если не хочешь, чтобы твоя *горгио роми* упорхнула вместе с этим красавцем.

Кровь прилила к смуглым щекам Пайна.

– Что ты болтаешь?

– Говорю тебе, брат, – моего красавца не трожь. Нож спрячь подальше.

– Зачем мне нож? Если он подарит тебе обручальное кольцо, никакой нож не нужен.

– Хорошо, брат, – спокойно сказала Халдея. – Мой красавец пока меня не любит, но полюбит, когда я избавлю его от чар язычницы. Пока они его держат, держат.

– Где держат? – спросил Пайн хриплым от страсти голосом.

– В доме *горгио*, брата твоей *роми*. Он, как филин, отправляется в сумерки караулить гнездо.

– Филин, – свирепо пробормотал Пайн. – Скорее, кукушка. Докажи мне это, сестра, и я помогу тебе обрести любовь, о которой мечтаешь.

– Вот и поладили, брат. Только, – она протянула ему ладонь, – чур без ножа.

Пайн пожал ей руку.

– Поладили, сестра. Твое обручальное кольцо будет куда надежнее ножа. А теперь говори!

И Халдея жарким шепотом рассказала ему все.

Глава V

Женщина и мужчина

Совершенно не подозревая о том, что судьба, эта неутомимая прядильщица, вплетает зловещие красные нити ненависти и любви в паутину его жизни, Ламберт продолжал спокойно жить в своем лесном убежище. Его роман потерпел неудачу, и, лишившись общества Агнес, он утратил интерес к жизни, почти возненавидел все человечество и принял образ отшельника. Мир, в котором растут розы, превратился в песчаную пустыню, и, лишенный единственного дара судьбы, способного наполнить его жизнь счастьем, безутешный влюбленный презрел свет и предпочел ему одиночество. Кто-то ищет умиротворения в религии, Ламберт же надеялся утолить сердечную боль на лоне природы. Ее величеству природе подвластно многое, но далеко не все, и молодой человек пребывал в состоянии тревожной усталости. Отчасти его выручал напряженный труд, но бывали времена, когда руки и мозг пасовали от усталости, лишали его возможности писать, и он погружался во мрак.

С одной стороны, он винил Агнес за то, что она вышла замуж из-за денег. С другой стороны – как можно было ее винить? Ведь деньги были необходимы, чтобы удержать на плаву древний род, к которому принадлежал Ламберт. Обычному человеку этого не понять, в таком браке он увидел бы только корысть и жадное стремление насытить плоть. Но Ламберт, последний из длинной череды знатных предков, считал: он и его кузина в долгу перед теми, кто в прошлом создавал этот род. В итоге гордость подсказывала ему, что Агнес поступила правильно, выйдя за Пайна. В то же время его любовь кричала в голос: жертва чрезмерна и тяжела для обоих. Да, он Ламберт, но он еще и человек, и два чувства – любовь и гордость – яростно боролись друг с другом. С тех пор, как жертву, добровольную жертву идолу семейной гордости, возложили на алтарь, прошло три года, но эта борьба продолжалась. Жить в таком напряжении было невыносимо, и Ламберт предпочел удалиться от общества, чтобы как можно реже видеть любимую. Они встречались, разговаривали, смотрели друг на друга как ни в чем не бывало, но обоим стало легче, когда обстоятельства их разлучили. Нервы не выдерживали.

До Пайна долетела молва о том, что до женитьбы его супруга была фактически помолвлена со своим двоюродным братом, и при сложившихся обстоятельствах он ревниво наблюдал за их случайными встречами. Ни Агнес, ни Ламберту он не сказал ни слова, потому что для этого не было повода – этих двоих не в чем было упрекнуть, но глаза красноречиво говорили о его ревности. Пайн взял жену в поездку по Америке, а когда привез ее обратно в Лондон, Ламберт, прекрасно понимая причину их отъезда, в свою очередь уехал охотиться в Африку. На болотах Конго он подцепил малярию и был вынужден вернуться в Англию – тогда он и попросил Гарвингтона отдать ему хижину в Аббатском лесу. Полгода он сидел здесь взаперти, изредка выезжая в Лондон или раз в неделю совершая пешую прогулку, изо всех сил стараясь изгнать из сердца образ Агнес. Она наверняка стремилась к тому же, потому что ни разу ему не написала. И вот теперь эти двое, на чью долю выпали такие испытания, находились в непосредственной близости друг от друга, и могло случиться самое странное, оставалось надеяться лишь на их честь. Учитывая, что хижина находилась недалеко от фамильного поместья и что Агнес рано или поздно приедет погостить к брату и невестке, Ламберт мог полагать, что их встреча естественным образом случится. Возможно, он так и полагал, и злые языки утверждали: он снял хижину именно с этой целью. Но пока что он не искал общества жены Пайна. Даже не стал обедать в поместье и не присоединился к охотникам, хотя Гарвингтон, в своей наивной слепоте, звал его на охоту. При свете дня художник усердно писал, а с наступлением темноты бродил по тропкам, дорогам и полям, почти неосознанно блуждая возле парка поместья хотя бы для того, чтобы увидеть в лунном свете и сумерках шкатулку, в которой хранилась утраченная им драгоценность. Это было глупо, и Ламберт это признавал, но мысленно

добавлял: он человек, а не ангел, грешник, а не святой, всему есть предел и так далее и тому подобное. Он приводил невероятные доводы, стараясь успокоить свою тревожную совесть, не одобрявшую этого опасного флирта.

Визит мисс Гриби определенно пробудил в нем чувство опасности, ведь если она заговорит – а она заговорит, – другие последуют ее примеру. Ламберт спросил себя, что лучше: приехать в поместье и вести себя как мужчина, обуздавший свою страсть, или покинуть хижину и отправиться в Лондон. Пытаясь принять верное решение, он лихорадочно писал, и три дня после визита мисс Гриби, пришедшей мутить воду, почти не выходил из студии. Халдея, как обычно, навестила его, чтобы позировать, и привела Кару в его зеленом кафтане, с любимой скрипкой, донельзя растрепанного. Девушка болтала, Кара играл, а Ламберт рисовал, и все трое делали вид, что очень счастливы и беззаботны. В действительности художник был до крайности несчастен, потому что его вторая половина была замужем за другим, а Халдея без любовных взглядов и ласки была ужасно недовольна. Что до Кары, он уже давно любил Халдею, державшую его на коротком поводке, и не мог не видеть, что она обожает художника из язычников, и осознание этого разбивало ему сердце. Но он не без довольства отметил, что с цыганской сиреной Ламберт не желал иметь ничего общего и ей не покорить его нежнейшими из песен. Каждый из этой троицы был несчастлив по-своему.

Цыганская пара обычно приходила позировать утром, когда освещение для художественных целей было наиболее благоприятным, но в час дня они всегда уходили, и вторая половина дня была в полном распоряжении Ламберта. Халдея охотно задержалась бы, чтобы очаровать мужчину, которого любила, и подчинить его себе. Но он никогда не выказывал ей никакого поощрения, и сблизиться не получалось. Тем не менее она часто бродила по лесу рядом с хижинкой, и, выходя прогуляться, обычно под вечер, когда рисовать было темно, Ламберт обязательно наткался на девушку. Но у него не было ни малейшего желания заниматься с ней любовными утехами, а о ее пылкой влюбленности он не имел понятия, поэтому ему в голову не приходило: их встречи отнюдь не случайны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.